

Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
Political Linguistics. 2023. No 3 (99).

УДК 811.111'42:811.111'38
 ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6

Марина Владимировна Никифорова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, armada29@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Метафорическое моделирование образа Китая американскими СМИ (по материалам статей журнала *Foreign Affairs* за 2022 год)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу концептуальных метафор, участвующих в формировании медиа-образа Китайской Народной Республики на страницах американского журнала «*Foreign Affairs*» в 2022 году. Цель исследования — выявить наиболее частотные метафоры, репрезентирующие Китай как актора международной политики, и определить их манипулятивный потенциал в свете непрекращающейся информационно-психологической войны.

Метафора анализируется в работе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода и определяется как способ концептуализации, интерпретации и оценки, а также как прием манипулирования информацией и преобразования общественного сознания через навязывание несуществующих аналогий и стереотипных представлений.

Предпринятый анализ выявил наибольшую частотность метафор, принадлежащих концептуальным сферам «Война», «Спорт», «Игра» (выявлены две группы спортивно-игровых метафор: метафоры соревнования, конкуренции, родственные по своей коннотативной нагрузке стертым метафорам войны, и метафоры карточной игры, близкие криминальным метафорам), «Монархия». С их помощью Китай позиционируется как автократическое государство, сильный и опасный противник, представляющий угрозу для стран азиатского региона и, как следствие, угрожающий внешнеполитическим интересам США. Создается резко отрицательный образ лидера Китая Си Цзиньпина и в целом политического строя Китая, что способствует дальнейшей демонизации Китая в дискурсивном пространстве американских медиа и тиражированию актуализированных деструктивных смыслов. Такой подход проявляется не только в содержании статьи и применяемых автором манипулятивных приемах, но и в визуально-графической презентации материала (инфографика, выносы и врезки с повтором некоторых частей текста).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическая война, лингвистика информационно-политической войны, информационно-психологическое противоборство, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, американские СМИ, американские журналы, английский язык, журнальные статьи, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивная лингвистика, политические метафоры, медиаобразы, образ Китая, манипуляция сознанием, манипулятивное воздействие, массовое сознание, политические деятели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, 8 Марта, 62, к. 454; email: armada29@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никифорова, М. В. Метафорическое моделирование образа Китая американскими СМИ (по материалам статей журнала *Foreign Affairs* за 2022 год) / М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 109–118.

Marina V. Nikiforova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, armada29@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Metaphorical Modeling of China by American Media (Based on the Articles of the *Foreign Affairs* Magazine)

ABSTRACT. The article analyzes conceptual metaphors involved in the formation of the media image of the People's Republic of China on the pages of the American magazine “*Foreign Affairs*” in 2022. The aim of the study is to identify the most frequent metaphors representing China as an actor in international politics and to determine their manipulative potential in the light of the ongoing information and psychological warfare.

Metaphor is analyzed in the work from the standpoint of the cognitive-discursive approach and is defined as a way of conceptualization, interpretation and evaluation, and as a method of manipulating information and transforming public consciousness through the imposition of non-existent analogies and stereotypical representations.

The analysis carried out revealed the greatest frequency of metaphors belonging to the conceptual spheres of “War”, “Sports”, “Games” (two groups of sports and games metaphors were identified: metaphors of contest, competition, related in their connotative load to the trite metaphors of war, and card playing metaphors, close to criminal ones), and “Monarchy”. With their help, China is positioned as an autocratic state, a strong and dangerous enemy that poses a threat to the countries of the Asian region and, as a result, threatens the foreign policy interests of the United States. A sharply negative image of Chinese leader Xi Jinping and China's political system as a whole is created, which contributes to the further demonization of China in the discursive space of American media and the replication of actualized destructive meanings. This approach is manifested not only in the content of the article and the manipulative techniques used by the author, but also in

© Никифорова М. В., 2023

the visual and graphic presentation of the material (infographics, removals and insertions with reiteration of some parts of the text).

KEYWORDS: *information and psychological warfare, linguistics of information and psychological warfare, information and psychological confrontation, political discourse, journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, American mass media, American journals, English language, journal articles, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive linguistics, political metaphors, media images, image of China, manipulation of consciousness, manipulation, mass consciousness, politicians.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Nikiforova M. V. (2023). Metaphorical Modeling of China by American Media (Based on the Articles of the Foreign Affairs Magazine). In Political Linguistics. No 3 (99), pp. 109-118. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Технологии информационно-психологического воздействия, разрабатываемые на основе теоретических и прикладных исследований о закономерностях психологии масс, уже давно и прочно инкорпорировались в институциональную структуру СМИ, сделав их основным, хотя далеко не единственным каналом и одновременно средством реализации информационно-психологической войны (далее ИПВ) [Лингвистика ... 2017, 2019, 2020, 2021]. В этой связи представляется очевидным, что важнейшим признакообразующим элементом современного медиадискурса становится целенаправленное моделирование объективно существующей социально-политической реальности, вплоть до откровенного ее искажения: СМИ, как кривое зеркало, отражают не то что есть, а то, что должен видеть адресат по замыслу заказчика. Следовательно, любой медиаконтент в контексте ИПВ — это всегда лишь информационный продукт, созданный в интересах определенного лица / группы лиц и представляющий собой готовое, часто шаблонное и идеологизированное знание, заранее структурированное, смоделированное и, как правило, адаптированное для потребления конкретной аудиторией; суть этого знания — (пере)концептуализация существующей политической картины мира адресата, (пере)направление мыслительных векторов, навязывание определенных коммуникативно-поведенческих шаблонов, формирование и «изменение когнитивных и ценностных параметров мировосприятия целевой аудитории» [Лингвистика... 2021: 143].

Такое понимание медиаконтента и медиатекста как более дискретной единицы дискурса важно с точки зрения интерпретации и анализа его отдельных элементов, будь то концепты, ценности или образ государства в целом, которые транслируются противоборствующими сторонами и задают общий тон дискурсивному пространству СМИ. Принципиально важным становится в этом смысле разграничение образа в его философско-эстетической и лингвокульту-

рологической интерпретации — как «формы восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечатка, воспроизведения сознанием предметов и явлений внешнего мира» (<https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7>), — и *медиаобраза*, который является продуктом информационным, создаваемым и тиражируемым профессиональными СМИ в интересах субъектов информационного воздействия в конкретный исторический период.

Настоящая статья посвящена анализу метафорических репрезентаций внешнеполитического образа Китайской Народной Республики в американской демократической прессе за период с января по декабрь 2022 года в контексте происходящих социально-политических событий. Цель исследования — выявить наиболее частотные концептуальные метафоры, репрезентирующие Китай как актора международной политики; выявить доминантные характеристики в реконструируемом образе Китая; определить ключевые прагматические посылы и манипулятивный потенциал наиболее частотных концептуальных метафор и составляющих их метафорических словоупотреблений.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Обзор публикаций, посвященных реконструкции образа Китая в дискурсивном пространстве американских СМИ, свидетельствует о существующем напряжении в отношениях двух стран. Исследователи фиксируют закономерное превалирование негативного модуса в изображении событий социально-политической действительности Китая и действий его руководства на международной арене в текущую историческую эпоху. Так, О. Н. Сорокина в своем диссертационном исследовании и последующем цикле статей [Сорокина 2007, 2010, 2010а] осуществляет контент-анализ прессы США и делает вывод о том, что в американских медиатекстах посредством комплекса лексических средств — метафор, эпитетов, лексем с отрицательной коннотативной нагрузкой —

создается «образ угрожающего и опасного Китая» [Сорокина 2010а: 63]. Этот образ, по мнению автора, манифестируется через обращение к трем основным топосам: развивающаяся, а потому представляющая угрозу экономике США экономика Китая; возможная военная угроза со стороны Китая в связи с развитием военной промышленности страны; коммунистическая идеология Китая, сопряженная с нарушением прав человека. В работах А. А. Хабарова, А. П. Чудинова и Ян Кэ [Хабаров, Чудинов, Ян Кэ 2021; Хабаров 2022] демонстрируется реализация американскими СМИ тренда на демонизацию Китая в свете событий последних нескольких лет. Конфронтационная антикитайская риторика, по мнению авторов, реализуется в обвинениях Китая в нарушении прав человека, киберпреступлениях и хакерских атаках против государственных и коммерческих структур США и их союзников, в наращивании военной угрозы по отношению к Тайваню и т. д. В качестве лингвистических средств намеренной дискредитации образа Китая и коммунистической партии авторы идентифицируют такие приемы, как намеренный ввод в заблуждение, специфическую терминологию, способствующую идеологической поляризации, снижение внимания и критического восприятия за счет аффективности, ошибочное домысливание и др. [Хабаров, Чудинов, Ян Кэ 2021].

Поскольку настоящая статья посвящена анализу метафорических репрезентаций Китая в американской прессе, заметим, что неослабевающий интерес лингвистов к концептуальным метафорам обусловлен в первую очередь активным использованием метафоры в СМИ в качестве оружия информационно-психологического противоборства [Зарипов, Будаев 2020, 2021; Зарипов 2017, 2020, 2021; Лингвистика ... 2016, 2019, 2020, 2021; и др.], что в свою очередь определяется ее способностью устанавливать ассоциативно-смысловые связи между различными феноменами объективной реальности и называть порой несуществующие аналогии. Исследователи [Будаев 2021; Будаев, Чудинов 2008; Зарипов, Будаев 2020, 2021; Зарипов 2017, 2020, 2021, Образ России... 2010; Солопова, Кушнерук 2021; Skrynnikova 2021 и др.] сходятся во мнении, что метафора, с одной стороны, обозначает и категоризирует действительность, кодируя и отражая особенности мировосприятия носителей языка и этнокультуры, с другой стороны, обладает мощным воздействующим (аксиологическим, идеологическим и стереотипогенным) потенциалом, формируя представления о мире и выстраивая определенную систему коор-

динат в сознании адресата. Именно способность метафоры формировать и транслировать положительно и отрицательно маркированные образы действительности делает ее «одним из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2012: 122], а следовательно и важным объектом лингвистических изысканий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для анализа послужили интернет-версии аналитических статей, опубликованных журнале *Foreign Affairs* (далее ФА) — с января по декабрь 2022 года. Статьи отбирались через встроенный фильтр-рубрикатор по одновременному запросу «Внешняя политика» и «Китай». Всего было проанализировано 12 полнотекстовых статей общим объемом более 560 тысяч печатных знаков и выявлено 219 контекстов, содержащих метафорические словоупотребления со сферой-мишенью «Китай».

Анализ метафорических репрезентаций, конструирующих образ Китая в американской прессе, осуществляется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода с опорой на фундаментальные труды в области теории метафорического моделирования [Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012; Lakoff, Johnson 2003 и др.]. Метафора в свете когнитивно-дискурсивного анализа понимается широко, то есть в качестве метафоры мы рассматриваем любые выражения, употребленные в непрямом значении.

Для анализа эмпирического материала использовалась традиционная методика, предполагающая 1) отбор контекстов, 2) статистическую обработку полученной выборки примеров с целью ранжирования метафорических моделей на шкале частотности и 3) последующий анализ доминантных метафорических моделей и составляющих их словоупотреблений с целью выявления их прагматического потенциала.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ материалов выявил наибольшую частотность метафорических единиц, соотносимых с такими концептуальными сферами, как «ВОЙНА» (20%), «ИГРА, СПОРТ» (16%), «МОНАРХИЯ» (13%).

Концептуальная сфера «ВОЙНА» (20%)

Наиболее востребованной при описании действий Китая во внешнеполитическом пространстве оказалась метафора войны. Оговоримся, что мы рассматриваем исключительно метафоры, а не все используемые

авторами ФА единицы лексико-семантического поля «Война», хотя последние, несомненно, способствуют формированию и тиражированию образа военизированного и опасного соперника, а следовательно также являются средством и оружием информационно-психологического противоборства [Лингвистика ... 2020: 81].

Авторами ФА активно обсуждается политика Китая в Южно-Китайском море и проводится параллель между военными действиями на Украине и потенциальной эскалацией конфликта с Тайванем. Ср.: *At the same time, Beijing has concluded that regardless of the war's outcome, its own external environment has become more dangerous (...) And it is concerned that growing international support for Taiwan will disrupt its plans for "reunification." These perceptions of Western interference have put Beijing once again on the offensive. Moving forward, China's foreign policy will increasingly be defined by a more bellicose assertion of its interests and the exploration of new pathways to global power that circumvent chokepoints controlled by the West.* В приведенном контексте Китай рисуется крупным государством, которое пытается обойти установленные Западом границы, добиться воссоединения с Тайванем, подчинить своей воле соседствующие менее развитые страны и получить глобальную власть в регионе. Проецируется возможность военного конфликта, при этом Китай, как и Россия в ситуации с Украиной, рисуется агрессором и захватчиком. Авторы ФА даже называют сроки возможной крупномасштабной операции. Ср.: *Some U.S. officials believe that Xi also expects the PLA to be ready for a large-scale operation against Taiwan in five years (...) China's unprecedented military exercise near Taiwan in August (after U.S. House Speaker Nancy Pelosi visited the island) is an example of China's inclination to flex its military muscles as proof of its resolve—and its displeasure.* В приведенном фрагменте при помощи метафоры *демонстрации военных мускулов* и словосочетания *беспрецедентные военные учения* эксплицируется мысль о реальности военной угрозы со стороны Китая, что в свою очередь способствует нагнетанию страха и напряженности и позволяет заранее оправдать любые превентивные меры со стороны США и союзников.

Метафоры, рисующие Китай большим, воинственным и опасным, активно используются в сильных позициях текста — в заглавии, лиде, подзаголовках, в начале и конце абзацев. Ср.: **CHINA ON THE OFFENSIVE. HOW THE UKRAINE WAR HAS CHANGED**

BEIJING'S STRATEGY; BROTHERS IN ARMS, BEIJING'S UPPER HAND IN THE SOUTH CHINA SEA; BACKING UP WORDS WITH FORCE, ARGE AND IN CHARGE; BUYING TIME FOR VICTORY. Кроме того, высказывания, транслирующие образ военной угрозы со стороны Китая, повторно звучат в выносах и врезках — небольших частях текста, визуальнo отделенных шрифтовым оформлением от основного текста и повторяющих некоторые его части. Ср.: *There is no reason for China to assume that the United States and its allies will treat China's concerns any differently. Because diplomacy is not effective, China may need to use force to demonstrate its resolve.* В приведенном фрагменте, который дублируется в одном из выносов, речь идет о потенциальной возможности применения силы со стороны Китая. Таким образом, принципиально значимым становится не только содержание статьи и применяемые авторами манипулятивные приемы, но и визуальнo-графическая презентация материала редакцией журнала. Так, посредством языкового повтора и инфографики редакторы делают двойной акцент на центральной мысли, закрепляя в сознании читателя образ опасного противника, готового к решительным действиям.

К военной метафорике относятся также немногочисленные контексты, содержащие прецедентные тексты. Ср.: *At the upcoming 20th Party Congress, the CCP will reshuffle personnel, issue reports, and project an image of Spartan unity and discipline.* Вербализованный образ Спарты в связи с переизбранием Си Цзиньпина актуализирует в данном текстовом фрагменте представление не столько о сильных и храбрых воинах, сколько о строжайшей армейской дисциплине и беспрекословном подчинении старшим. Таким образом, проецируется мысль о недемократичности проводимых выборов лидера Китайской компартии, когда власть принадлежит одному человеку и итог голосования заранее известен.

Напряженные отношения Китая и США в связи с обширным (в том числе военным) присутствием последних в Азиатском регионе также изображаются посредством метафор войны и спорта. Ср. *Chinese experts advocated for a balancing strategy that would "march westward" across the Eurasian landmass in order to offset the United States' growing concentration of diplomatic, economic, and military efforts in maritime Asia. Others, however, insisted that the global South could again play a crucial role in helping China against its hegemonic rival.* При помощи стертых метафор, актуализирующих такие

концепты, как *стратегия*, *марш*, *соперник*, в рассматриваемом фрагменте артикулируется мысль о возможной активизации внешней политики Китая как на запад, так и в регионе Южно-Китайского моря, что, несомненно, не устраивает руководство США, которое не хочет уступать Китаю сферу влияния. В этом отношении обращает на себя внимание то, как при помощи военных метафор и оценочной лексики интерпретируются факты и расставляются аксиологические акценты: *стратегия передового присутствия* США в регионе неизменно расценивается как защита правительствам США национальных интересов стран Азиатского региона, в то время как любые действия Китая рассматриваются как нарушение интересов стран-соседей, принуждение, агрессия и стремление к региональному господству. Ср.: **U.S. “forward presence,” the strategy of constantly having American forces deployed abroad to reassure allies and deter enemies, rests on the access provided by partners; Beijing’s increasingly aggressive and coercive behavior against its neighbors.**

С точки зрения реализации манипулятивного характера оценки, показательным является следующий пример. Ср.: *By using the China Coast Guard and maritime militia—state-funded and controlled paramilitary forces that operate from fishing vessels—to steadily erode its neighbors’ access to their own waters, China hollows out the value of the United States as a regional security provider.* В приведенном фрагменте оценка носит поляризованный характер: налицо откровенная демонизация Китая и идеализация США. Оценка манифестируется как на уровне семантики целого высказывания, так и на уровне его отдельных элементов: через использование глаголов с дескриптивно-оценочным компонентом — *erode* (*разъедать*, *размывать*, *разрушать*), *hollow out* (*выдалбливать*), а также через введение в контекст метафоры со словом-вербализатором одного из ядерных концептов американского демократического дискурса — *security* (*безопасность*). Таким образом, происходит намеренная гиперболизация негативной оценки Китая: транслируется образ захватчика, преступника, который не просто ущемляет интересы стран-соседей по региону, но и разрушает ценность США, выступающих в роли спасителя — поставщика *региональной безопасности*.

Интересно проследить употребление стертых метафор с лексемой *стратегия* и ее дериватом *стратегический*. Так, стратегическое поведение Китая в отношении России маркируются отрицательно, поскольку

«причиняет ущерб репутации Китая». Ср.: **China’s “no limits” strategic partnership with Russia has, following the latter’s invasion of Ukraine, deeply damaged Beijing’s standing in Europe—to the point that even traditional China doves across various European capitals are now skeptical about Beijing’s long-term strategic ambitions.** В то же время стратегическое соперничество и налаживание экономических связей с США закономерно получает положительную оценку. Ср.: **But both sides should conclude that strategic predictability is advantageous, that strategic deception is futile, and that strategic surprise is just plain dangerous. Each side must then build guardrails into its relationship with the other that reduce the risk of overreach, miscommunication, and misunderstanding, including by establishing necessary high-level dialogue and crisis communication mechanisms to oversee any such arrangements.** Манипулятивный потенциал подобных контекстов обнаруживает себя в использовании утилитарно-оценочных суждений: *стратегическая предсказуемость выгодна, стратегический обман бесполезен, стратегическая неожиданность просто опасна.* Очевидно, подобного рода высказывания в отношении Китая можно рассматривать как попытку авторов ФА сместить фокус восприятия перспектив сино-американских отношений с идеи противостояния на идею стратегического соперничества, что, разумеется, в первую очередь выгодно США, которые не готовы ни к обострению отношений с Китаем в сфере экономики, ни тем более к военному столкновению. Об этом свидетельствуют и прямые оценки авторами ФА нынешнего положения дел в регионе. Ср.: **Admiral Phil Davidson, then commander of U.S. Indo-Pacific Command, testified before the Senate in 2018 that China “is now capable of controlling the South China Sea in all scenarios short of war with the United States.” In reality, the balance has shifted even more than that. The truth is that the United States would likely have little choice but to cede the South China Sea in the opening stages of any conflict with China** (Адмирал Фил Дэвидсон, тогдашний командующий Индо-Тихоокеанским командованием США, свидетельствовал перед Сенатом в 2018 году, что Китай “теперь способен контролировать Южно-Китайское море при любых сценариях, кроме войны с Соединенными Штатами”. **На самом деле баланс сместился еще больше. Правда заключается в том, что у Соединенных Штатов, вероятно, не было бы иного выбора, кроме как уступить Южно-Китайское море на начальных**

стадиях любого конфликта с Китаем. — М. Н.).

Показательно, что использование концепта *стратегия* применительно к характеристике внутренней политики Китая также задает вектор отрицательной оценки. Ср.: *Xi transformed China's approach to internal security in ways that caught the world off-guard — writing China's first-ever national security strategy and a host of new security laws, restructuring the country's domestic security apparatus, purging and jailing many of the security forces' top leaders, building a massive surveillance state, and intensifying repression at a speed that few outside observers predicted.* В представленном фрагменте реализуется известный манипулятивный прием: помещение единицы с нейтральным оценочным компонентом в один ряд с единицами, обладающими яркой пейоративной окраской. Так, упоминание стратегии национальной безопасности в одном из однородных предложений, рисующих образ полицейского государства с характерными для него репрессиями и ограничением свобод, автоматически маркирует ее как недемократическую, а значит опасную и несущую угрозу.

Таким образом, посредством военной метафоры авторами ФА рисуется образ опасного, военизированного государства-соперника, стремящегося к лидерству в регионе и готового применить силу, с которым, тем не менее, США выгодно поддерживать стратегически предсказуемые отношения.

Концептуальная сфера «СПОРТ, ИГРА» (16%)

Анализ материалов выявил две группы спортивно-игровых метафор — метафоры соревнования, конкуренции, родственные по своей коннотативной нагрузке стертые метафорам войны, и метафоры карточной игры, близкие криминальным метафорам.

Метафоры соревнования, соперничества моделируют текущие отношения Китая и США, а также варианты развития отношений двух стран в будущем. Так, если речь идет о контролируемом стратегическом соперничестве, перерастающем в гонку, оно оценивается положительно. Ср.: *... both countries can embrace nonlethal strategic competition across much of the rest of their relationship, channeling their strategic rivalry into a race (...). This race also encompasses ideological competition over the future of the international system. But, crucially, this would be managed, not unmanaged, strategic competition, reducing the risk that it could spiral into direct armed conflict.* Положительная оценка в данном случае задается не конкретными оценочными единицами, а семан-

тикой целого высказывания: *это была бы именно управляемая стратегическая конкуренция, снижающая риск того, что она может перерасти в прямой вооруженный конфликт.* Заметим при этом, что, как и в случае с военными метафорами, положительно оценивается в подобных контекстах именно сама идея предсказуемого соперничества. На образ Китая в целом, как и на отдельных его представителей, положительная оценка не экстраполируется.

В текстовых фрагментах, где речь идет о нынешней политике Китая в регионе Южно-Китайского моря, концепт соревнования закономерно оказывается погруженным в отрицательно маркированный контекст. Ср.: *What China really wants is to convince the rest of Asia that the contest for primacy is already over. The greatest danger for U.S. military power in the South China Sea is not China's preparations for war but its peacetime machinations.* Как можно видеть, отрицательная оценка стремления Китая к доминированию в Азиатском регионе поддерживается в приведенном фрагменте криминальной метафорикой — указанием на возможные махинации в мирное время.

Вторая группа спортивно-игровых метафор моделирует образ Китая как карточного игрока. Ср.: *Beyond cash pledges, Beijing's main card in the global South is intangible: the promise of opportunity and respect; Most other claimants to the South China Sea would eventually hold their noses and take whatever deal Beijing puts on the table.* Понятием *deal* (дел) метафор карточной игры характеризуется нечестная, агрессивная, принудительная политика Китая в регионе, которая угрожает внешнеполитическим интересам США. Показательным в этом смысле является и следующий фрагмент, содержащий стертую метафору игры. Ср.: *On paper, one can begin to glimpse the initial outlines of China's readjusted game plan. Deeper ties with the "global South." A repurposing of existing Beijing-led institutions like the SCO. New concepts of security that align with its own vision for international order. Implemented well, this strategy would no doubt complicate U.S. foreign policy.* Мысль об угрозе Китая интересам США в приведенном фрагменте артикулируется максимально эксплицитно: *На бумаге уже можно разглядеть контуры скорректированного плана игры по углублению связей Китая с «глобальным Югом» (...) Хорошо реализованная, эта стратегия, несомненно, усложнила бы внешнюю политику США.*

В целом характеризуя спортивно-игровые метафоры, можно констатировать, что, обладая низкой образностью, они тем не ме-

нее поддерживают отрицательный вектор оценки внешнеполитического статуса Китая и способствуют его дальнейшей дискредитации в дискурсивном пространстве американских СМИ.

Концептуальная сфера «МОНАРХИЯ» (13%)

Монархическая метафорика неизменно проецирует отрицательное отношение американских медиа к социально-политической действительности Китая. Большинство метафорических единиц с данной сферой-источником относятся к действующему лидеру Китая Си Цзиньпину и содержат указание на такие признаки абсолютной монархии, как пожизненное правление и неограниченная власть. Ср.: *but Xi's success in claiming apparently indefinite rule; With no expiration date for Xi's reign*. Ассоциативно-семантическое развертывание метафоры происходит через обращение к таким атрибутам монархии, как коронация (*Xi will be crowned as the "People's Leader"—a title held only by Mao Zedong and his successor, Hua Guofeng*) и наличие преемников и наследников (*it would not mean that Xi has chosen his successor*). Даже китайских министров авторы ФА не без иронии называют царями (*former PLA equipment czars, the current economic czar, Liu He*).

Отметим, что, поскольку согласно Конституции КНР Си Цзиньпин был переизбран лидером партии еще на пять лет, то с точки зрения логической аргументации, активно тиражируемая мысль о неограниченном сроке его правления уже сама по себе является манипуляцией, не более чем домыслом. Показательно при этом, что данная мысль погружается в контексты с разной вероятностной модальностью. Так, в качестве модальных модификаторов выступают наречия *apparently* (очевидно) и *likely* (вероятно). Ср.: *... but Xi's success in claiming apparently indefinite rule and his appointment of loyalists to key positions will eliminate them; China now enters a period of pronounced uncertainty, driven by the likely open-ended rule of an autocrat*. Кроме того, значение вероятности, предположительности передается прилагательным *potential* (потенциальный), а также через указание на мнение *some observers* (некоторых наблюдателей). *Although some observers now append the title "ruler for life" to Xi; Xi's positioning as a potential ruler for life simply aggravates the incentives for opponents to scuttle his agenda or plot his exit*. В следующем текстовом фрагменте мысль о бессрочном правлении Си помещается в позицию темы и носит констатирующий характер. Ср.: *<...> now that the dura-*

tion of Xi's rule is undetermined and largely at his discretion <...>. Манипулятивная природа приведенного высказывания проявляется в отсутствии формальных маркеров субъективной модальности, что создает ложное впечатление нейтрально-информативного характера суждения, которое по существу является лишь частным мнением.

Манипулятивный потенциал монархических метафор проявляется и в том, что мысль о неограниченном сроке правления Си нередко акцентируется в узком контексте с указанием на авторитарный режим правления и перспективу экономического и политического краха. Ср.: *What one could previously hope for—the installation of a new leadership coterie and with it cross a threshold into outright dictatorship and, with it, a likely future of political ossification, policy uncertainty, and the ruinous effects of one-man rule*. Высказывание строится таким образом, что политические и экономические проблемы являются (или проявятся в будущем) прямым и неизбежным следствием политического строя и стиля управления, что само по себе является не более чем субъективной оценкой.

Для усиления отрицательной оценочности монархических метафор используются прецедентные тексты. Ср.: *Clawing back some sense of predictability in how future leaders are chosen, groomed, and installed will be a project for a distant future—and one that likely won't begin until Xi leaves office, is pushed out, or "goes to see Marx"*. В приведенном фрагменте авторы ФА рассуждают о возможных изменениях во внешней политике Китая, которые начнутся не ранее, чем Си покинет пост, будет смещен или «увидит Маркса». Последняя фраза является распространенным эвфемизмом в Китае, однако в данном контексте, очевидно, употреблена в саркастическом ключе и в очередной раз подчеркивает бессрочность правления нынешнего китайского лидера.

Монархическая метафорика также поддерживается контекстами, в которых артикулируется мысль о культе личности Си Цзиньпина. Показательным в этом смысле является следующий пример. Ср.: *Although much has been made of Xi's cult of personality, it is a rather banal cult with very little personality. No one is yet paying tribute to Xi in the form of mangoes*. Отрицательная оценка в приведенном контексте нагнетается постепенно и с применением эффектов комического. Во-первых, оценочность содержится уже в самом значении термина *культ личности*. Далее авторы используют прием языковой игры — разложение фразеологизированного терминологического сочетания,

подразумевающее восстановление первоначального значения компонентов и переосмысление значения всего сочетания, а в данном случае оценку каждого из компонентов — «банальный культ, в котором мало личности». Эксплицитная уничижительная оценка далее гиперболизируется через обращение к прецедентной ситуации: в августе 1968 года Министр иностранных дел Пакистана Миян Аршад Хуссейн преподнес китайскому лидеру Мао Цзэду ящик с манго, а Мао передал фрукты рабочим. Отсылка к известному историческому эпизоду в саркастической форме — «никто пока не отдает дань уважения Си в виде манго» — подчеркивает незначительность, личностную несостоятельность последнего как лидера Китая.

Итак, метафорические словоупотребления со сферой-источником «Монархия» эксплуатируют однозначно интерпретируемые образы и смыслы и концентрируются преимущественно вокруг действующего руководителя КНР Си Цзиньпина. Апеллируя к американскому представлению о монархии как отрицательном явлении в противовес демократии как главной ценности западного мира, монархические метафоры реализуют исключительно дискредитирующую функцию и способствуют дальнейшей идеологической поляризации дискурса: Китай во главе с его авторитарным лидером противопоставляется США как образцу развитой демократии и соответственно представляет угрозу всему демократическому миру.

Дальнейшее ранжирование метафор по параметру частотности выявило следующее процентное распределение: метафоры механизма (10%), театральные метафоры (7%), метафоры строения (7%), метафоры человеческих отношений (6%), метафоры живого организма (5%), метафоры живой природы (5%), метафоры пути (4%), криминальные метафоры (4%), морбиальные метафоры (3%).

Контекстуальный анализ метафорических словоупотреблений, соотносимых с обозначенными концептуальными сферами, позволяет утверждать, что, несмотря на невысокую частотность и относительно низкую образность, они также направлены на создание и поддержание отрицательного вектора оценки Китая и способствуют акцентированию мысли об исходящей от Китая угрозе.

Так, рассмотрим, например, метафорические словоупотребления со сферой-источником «ТЕАТР». Ср.: *In this scenario, China's peacetime coercion would continue to raise the risks to neighbors undertaking normal activities in their own waters; For the past decade, Chinese President Xi Jinping has*

endeavored to help China attain what it considers to be its rightful position at the center of the world stage; The Solomon Islands security pact contained vague and expansive language that appears to open the door for China to play a role in quelling internal unrest in the Solomon Islands by allowing Beijing to deploy Chinese police and military forces at the Solomon Islands' request to "maintain social order." The pact, and potential future deals with other Pacific Island states, could undermine regional security by extending the reach of the Chinese military. В приведенных контекстах эксплуатируются стертые метафоры, актуализирующие такие концепты, как *сценарий*, *цена* и *роль*. Авторы ФА рассуждают о политике Китая в Азиатском регионе и его стремлении к глобальному и региональному лидерству. И хотя сами метафоры характеризуются стертой образностью и употребляются скорее в номинативной, нежели в оценочной функции, их контекстуальное окружение — оценочные лексемы и словосочетания с негативным компонентом (*coercion* — *принуждение, насилие, сдерживание; to raise the risks* — *повышать риски; undermine regional security* — *подорвать региональную безопасность*), а также общий резко отрицательный коннотативный фон высказываний — проецируют мысль об угрозе со стороны Китая. В третьем примере представление об опасности расширения китайского военного присутствия на Соломоновых Островах подчеркивается приемом закавычивания — *позволяя Пекину разместить военные силы по просьбе Соломоновых Островов, чтобы «сохранить порядок в регионе»*. Авторами ФА, таким образом, имплицитно выражена мысль о прямо противоположном эффекте. В продолжении рассуждения данная мысль звучит уже максимально эксплицитно: *Эта договоренность и потенциальные будущие сделки с другими тихоокеанскими островными государствами могут подорвать региональную безопасность, расширив сферу действия китайских вооруженных сил.*

Заметим, что отдельные контексты с использованием театральных метафор актуализируют традиционные, закрепленные за театральной метафорикой прагматические смыслы — неискренности, искусственности, лицемерия. Ср.: *The meeting is designed not as a showcase for some dramatic new approach to governance or policy but rather as pure political theater meant to reassure the Chinese citizenry and convince global audiences that the party remains steadfast and unified under Xi as he pursues the goal of transforming China into a socialist great power.*

В данном фрагменте речь идет о съезде Компартии Китая и переизбрании Си Цзиньпина в качестве ее лидера. Авторы ФА акцентируют мысль о постановочном характере мероприятия, называя его *чистым политическим театром*, задача которого — *убедить жителей Китая и мировую аудиторию в том, что партия остается непоколебимой и единой при Си Цзиньпине*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ метафорических словоупотреблений, участвующих в формировании американским журналом *Foreign Affairs* внешнеполитического образа Китая в 2022 году, позволяет заключить следующее.

1. Образ Китая как актора международной политики рисуется крайне односторонне и посредством преимущественно стертых метафор, направленных не столько на образное описание действий Китая, сколько на их оценочную интерпретацию посредством манипулирования фактами и аналогиями. Метафорические словоупотребления, участвующие в конструировании внешнеполитического образа Китая, создают и / или контекстуально поддерживают исключительно отрицательный вектор оценки, что свидетельствует о существующей тенденции на демонизацию Китая в американских медиа.

2. Наибольшую частотность в формировании внешнеполитического образа Китая демонстрируют метафоры, соотносимые с концептуальными сферами «Война», «Спорт, Игра», «Монархия». С их помощью Китай позиционируется как военизированный опасный противник, автократическое государство, стремящееся к региональному и глобальному лидерству и, следовательно, представляющее угрозу странам-соседям, а также внешнеполитическим интересам США.

3. Несмотря на односторонний характер изображения Китая и отрицательный коннотативный фон метафорических единиц, анализ материала позволил зафиксировать частичное смягчение конфронтационной риторики США: в ряде контекстов артикулируется мысль о необходимости налаживания стратегически предсказуемых отношений между двумя странами. Манипулятивный потенциал подобных высказываний проявляется в расстановке аксиологических акцентов: несмотря на то что образ Китая проецирует исключительно деструктивные смыслы, стратегические отношения с ним получают положительную оценку, поскольку выгодны США в текущий исторический период.

4. Метафоры, участвующие в конструировании внешнеполитического образа Китая,

способствуют идеологической поляризации дискурса и тиражированию социально-политических стереотипов. Посредством метафор американские СМИ формируют и укрепляют в сознании адресата тот образ Китая и китайского лидера, который соответствует их политическим целям и ожиданиям, программируя восприятие аудиторией объективной реальности и провоцируя правильную реакцию на текущие события.

ИСТОЧНИКИ

1. Foreign Affairs: Weekly Newsletter. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/>. — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.
2. Будаев, Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2021. — 217 с. — Текст : непосредственный.
3. Зарипов, Р. И. Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 23. — С. 95–106.
4. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. / Р. И. Зарипов. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — Текст : непосредственный.
5. Зарипов, Р. И. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 42–52. — <https://doi.org/10.26170/pl20-06-05>.
6. Зарипов, Р. И. Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции) / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 57–68.
7. Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6. — С. 12–22. — <https://doi.org/10.26170/pl19-06-01>.
8. Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 280 с. — Текст : непосредственный.
9. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 488 с. — Текст : непосредственный.
10. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.
11. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 340 с. — Текст : непосредственный.
12. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (13–17 сент. 2010 г., Екатеринбург). — [Б. м. : б. и.], 2010. — 238 с. — Текст : непосредственный.
13. Сорокина, О. Н. Языковая реализация образа Китая как информационной модели в средствах массовой информации США : 10.02.04 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сорокина О. Н. — Владивосток, 2007. — 26 с. — Текст : непосредственный.

14. Сорокина, О. Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «Экономический рост Китая» / О. Н. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 341. — С. 24–29.

15. Сорокина, О. Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «Вооружение Китая» / О. Н. Сорокина // Известия Уральского гос.ун-та: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2010. — №85. — С. 57–64.

16. Хабаров, А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 2 (92). — С. 159–171.

17. Хабаров, А. А. Демонизация Китая в зарубежных масс-медиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны / А. А. Хабаров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 78–89. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.

19. Lakoff, G. *Metaphors we Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — Text : unmediated.

20. Skrynnikova, I. V. Constructing the image of Russia through metaphorical framing / I. V. Skrynnikova. — Text : unmediated // Logos et Praxis. — 2021. — Vol. 20. — No. 1. — P. 49–57.

21. Solopova, O. A. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse / Olga A. Solopova, Svetlana L. Kushneruk. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Vol. 25. — No. 3. — P. 723–745.

MATERIALS

1. *Foreign Affairs: Weekly Newsletter* (n.d.). Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/>

REFERENCES

1. Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. (2008). *Metaphor in political communication: monograph*. Moscow: Flinta: Nauka, 248 p. (In Russ.)

2. Budaev, E. V., Solopova, O. A., Zaripov, R. I., & Boyko, A. V. (2021). *Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* [A metaphorical image of the future of Russia in foreign media]. Saint Petersburg: Nauko-emkie tekhnologii, 217 p. (In Russ.)

3. Zaripov, R. I. (2015). Metaforicheskoe-manipulyativnoe-vozdeystvie-kak-element-informatsionnoy-voyny [Manipulation impact through metaphors as an element of information warfare]. *Journal of Psycholinguistics*, 23, 95–106. (In Russ.)

4. Zaripov, R. I. (2016). *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse: monogr.* [Metaphorical modeling of the image of Russia in modern French political discourse: monograph]. Moscow: R. Valent, 220 p. (In Russ.)

5. Zaripov, R. I. & Budaev, E. V. (2020). Metaforicheskie obrazy nastoyashchego i budushchego Rossii vo frantsuzskikh SMI: vneshnepoliticheskie aspekty [Metaphorical Images of Russia's Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects]. *Political Linguistics*, 6(84), 42–52. DOI: 10.26170/p120-06-05. (In Russ.)

6. Zaripov, R. I., & Budaev, E. V. (2021). Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda (na materiale SMI Frantsii) [Metaphorical image of the future of Russia in the context of the constitutional reform of

2020 (based on the French media)]. *Nauchnyy dialog*, 3, 57–68. (In Russ.)

7. Kushneruk, S. L. (2019). Traektorii issledovaniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny v rossiyskoy lingvistike [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Political Linguistics*, 6(78), 12–22. DOI: 10.26170/p119-06-01. (In Russ.)

8. Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2017). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 1). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

9. Bernatskaya A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A., et al. (2019). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 2). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 488 p. (In Russ.)

10. Bernatskaya A. A., Gornostaeva Yu. A., Evseeva I. V., et al. (2020). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 3). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 344 p. (In Russ.)

11. Bashkova I. V., Borovoj E. M., Gavrilov L. A., et al. (2021). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 4). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

12. *Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory* [The image of Russia in foreign political discourse: stereotypes, myths and metaphors] (2010). Materials of the Intern. scientific conf. (September 13-17, 2010, Ekaterinburg). (In Russ.)

13. Sorokina, O. N. (2007). *Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya kak informatsionnoy modeli v sredstvakh massovoy informatsii SShA* [Language implementation of the image of China as an information model in the US media] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Vladivostok, 26 p. (In Russ.)

14. Sorokina, O. N. (2010). Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya v SMI SShA: informatsionnaya model' «Ekonomicheskiy rost Kitaya» [Linguistic realization of the image of China in the US media: information model “Economic growth of China”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 341, 24–29. (In Russ.)

15. Sorokina, O. N. (2010). Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya v SMI SShA: informatsionnaya model' «Vooruzhenie Kitaya» [Linguistic realization of the image of China in the US media: information model “Armament of China”]. *Izvestiya Ural'skogo gos.un-ta: Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 85, 57–64. (In Russ.)

16. Khabarov A. A., Chudinov A. P., & Yang Ke (2022). The Image of China in Russian and American Mass Media. *Political Linguistics*, 2(92), 159–171. (In Russ.)

17. Khabarov, A. A. (2022). Demonization of China in Foreign Mass Media: Discursive Means of Destruction of the Information and Psychological Warfare Targets. *Political Linguistics*, 1(91), 78–89. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629 2022 01 08.

18. Chudinov, A. P. (2012). *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)

19. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003). *Metaphors we Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p.

20. Skrynnikova, I.V. (2021). Constructing the image of Russia through metaphorical framing. *Logos et Praxis*, 20(1), 49–57.

21. Solopova Olga A., & Kushneruk Svetlana L. (2021). War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 723–745.